

Боева Елена Дмитриевна, Кулькина Елена Александровна

ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЗНАК КАК КОНФЛИКТОГЕН (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Авторы статьи предлагают новый подход к изучению теории и практики конфликта - с позиций паралингвистики. На материале фрагментов произведений художественной литературы доказывается, что паралингвистический знак может быть как провокатором конфликта - конфликтогеном, так и средством его минимизации и прекращения - синтоном.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 37-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Буковский С. Л. Креативно ориентированная методика обучения устному профессиональному общению на занятиях по иностранным языкам в неязыковом вузе (экономический профиль): автореф. дисс. ... к. пед. н. М., 2013. 17 с.
2. Васильева О. Ф. Лекции по методике преподавания РКИ. Лекция 1. Общие положения методики РКИ [Электронный ресурс]. URL: <http://mng.rs.gov.ru/node/733>; Лекция 2. История изучения РКИ [Электронный ресурс]. URL: <http://mng.rs.gov.ru/node/760> (дата обращения: 12.10.2013).
3. Вежбицкая А. Лексикография и концептуальный анализ. М.: Языки русской культуры, 2001. 200 с.
4. Грузберг Л. Концепт, или Отчего Америка – концепт, а Финляндия – нет? [Электронный ресурс]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_1_31 (дата обращения: 21.09.2013).
5. Иванова Э. И., Фролова А. Н. Наше время: учебник по рус. яз. как иностр. (базовый уровень). М.: Русский язык. Курсы, 2011. 207 с.
6. Лазарева О. А. Школа тестера: лингводидактическое тестирование ТРКИ-TORFL: метод. пособие. СПб.: Осипова, 2011. 163 с.
7. Московкин Л. В., Сильвина Л. В. Русский язык: учебник для иностр. студ. подготовит. фак-тов. СПб.: СММО Пресс, 2010. 528 с.
8. Олешков М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса: монография. Нижний Тагил, 2006. 336 с.
9. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2013. 330 с.
10. Robin R., Evans-Romaine K., Shatalina G. Голоса: A Basic Course in Russian [Электронный ресурс]. 5th ed. Old Tappan, NJ: Pearson Education, 2013. <http://www.gwu.edu/~slavic/golosa/> (дата обращения: 05.10.2013).

**MODELING COMMUNICATIVE SITUATIONS WHILE TEACHING RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE UNDER CONDITIONS OF FOREIGN LANGUAGE ENVIRONMENT**

Biryukova Anna Borisovna
University of North Texas, USA
biranna77@gmail.com

The article describes certain methodical approaches to modeling communicative situations while teaching Russian as a foreign language. The author suggests alternative ways of developing the typology of communicative situations, including those based on the principle of live-action roles. The researcher introduces strategies of educative dialogue with the students under situation of foreign language environment.

Key words and phrases: Russian as a foreign language; communicative competence; communicative model; typology of communicative situations; live-action roles; foreign language environment.

УДК 811.111

Филологические науки

Авторы статьи предлагают новый подход к изучению теории и практики конфликта – с позиций паралингвистики. На материале фрагментов произведений художественной литературы доказывается, что паралингвистический знак может быть как провокатором конфликта – конфликтогеном, так и средством его минимизации и прекращения – синтоном.

Ключевые слова и фразы: паралингвистический знак; текстовый анализ; конфликт; конфликтоген; синтон.

Боева Елена Дмитриевна, д. филол. н.

Кулькина Елена Александровна, к. пед. н., доцент

Московский государственный гуманитарный университет имени М. А. Шолохова (филиал) в г. Анапе
lingua_anapa@mail.ru

**ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЗНАК КАК КОНФЛИКТОГЕН
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)®**

Одной из очевидных тенденций развития научной мысли последних десятилетий является смещение исследовательского интереса в направлении наук, связанных с различными аспектами поведения людей в социуме. В конце прошлого века разноаспектное изучение ситуаций взаимодействия и противодействия в различных коммуникативных контекстах – социальном, производственном, политическом, бытовом – дало жизнь новому научному направлению: на стыке психологии, социологии и политологии возникла новая наука – конфликтология. Проблемы конфликтологии лежат на пересечении нескольких наук; в последние десятилетия проблемами конфликтов как «своего рода сигнальной функции, указывающей на неблагополучие в системе» [10, с. 118], «активно занимаются представители многих научных дисциплин: военных наук, искусствоведения, исторических наук, математики, педагогики, политических наук, правоведения, психологии,

социологии, социобиологии, философии. Лидирующее положение среди них занимает психология» [4, с. 135-136]. Подчеркивая «адисциплинарный» (по Дж. Бертону) [14] характер конфликта, В. А. Светлов и В. А. Семенов отмечают, что «до настоящего времени не существует ни единой научной дисциплины, которая могла бы предложить исчерпывающее множество аналитических средств для его полноценного исследования. Очевидно лишь одно – конфликт – междисциплинарная проблема» [9, с. 12].

Проблемы конфликтологии представляются чрезвычайно перспективными для изучения в лингвистической парадигме. Прежде всего, потому что именно в слове отражаются тайные и явные противоречия, неоднозначные трактовки, оценка, подтексты, чувства и эмоции, вследствие чего слово способно спровоцировать конфликт, оно же может и положить конец конфликту. Кроме того, конфликты и всё, что с ними связано, может быть и в действительности является предметом описания в произведениях художественной литературы, играя немаловажную, а иногда и очень значимую роль в понимании образа литературного персонажа, концепции произведения, психологизма развития действия, в постижении глубинного смысла описываемых характеров и ситуаций. «Как бы ни проявлялся конфликт, ...он составляет, как правило, ядро художественной проблематики, а способ и направленность его решения – ядро художественной идеи» [12, с. 23].

Есть основания полагать, что изучение конфликтов, представленных в художественных речевых актах, имеет отношение к лингвистике текста, коммуникативной лингвистике, поскольку, как отмечает Г. В. Колшанский, «предметом коммуникативной лингвистики является исследование... всеобщих закономерностей организации речевого общения, взаимодействия семантической и синтаксической структуры высказывания, соотношение интра- и экстралингвистических факторов (многозначность языковых единиц, паралингвистика), соотношение прагматических целей, структуры высказывания и текста и ряд других вопросов» [8, с. 9].

Особый интерес представляют художественные описания таких межличностных конфликтов, где, наряду с вербальными высказываниями, показателями конфликта служат паралингвистические (невербальные) знаки, когда к высказываниям коммуникантов коррелятивно добавляются дополнительные смыслы, выраженные «...не напрямую, а в телесно-символической, более тонкой и ненавязчивой (хотя часто более эмоционально выразительной) форме» [13, с. 206]. Паралингвистический знак способен и самостоятельно спровоцировать конфликт, как в следующем примере: *Antonia dürfte Franziskas Haus nicht betreten, weil sie Alexander Augen gemacht hatte. Ach, war das eine Szene* [15, S. 224]! / *Антония не смела больше появляться в доме Франциски, потому что она как-то сделала глазки Александру. Ах, ну и сцена же была!* (Здесь и далее перевод авторов – Е. Б., Е. К.).

Жест, мимика, движение, взгляд, поза, интонация – словом, весь спектр паралингвистических способов передачи информации служит тем средством, с помощью которого человек передает (вольно или невольно) свое отношение к фактам реальной действительности. Обратимся к примеру: *«Wer war das?» fragte meine Freundin. Ich konnte ihr nicht gleich antworten... «Ach, irgendein Herr, der hier im Hause wohnt», stammelte ich dann ungeschickt heraus. «Aber warum bist Du denn so rot geworden, als er Dich angeschaut hat», spottete die Freundin. Und eben weil ich fühlte, daß sie an mein Geheimnis spottend rühre, fuhr mir das Blut noch heißer in die Wangen. Ich wurde grob aus Verlegenheit. «Blöde Gans», sagte ich wild: am liebsten hätte ich sie erdrosselt. Aber sie lachte nur noch lauter und höhnischer, bis ich fühlte, daß mir die Tränen in die Augen schiederten vor ohnmächtigem Zorn* [20, S. 112] / *«Кто это?» – спросила меня подруга. Я не сразу смогла ответить... «Да какой-то господин, он живет здесь, в нашем доме», – неловко пробормотала я. «Почему же ты так покраснела, если ты его даже не знаешь?» – дразнила меня подруга. И именно потому, что она осмелилась издеваться над моей тайной, кровь еще сильнее прилила к моим щекам. От смущения я ответила грубостью: «Бестолковая гусыня!» – сказала я сердито. Но она расхохоталась еще громче и злей, и я почувствовала, что слезы бессильного гнева наполняют мои глаза. Я готова была задушить её.*

В приведенном текстовом фрагменте паралингвистические средства (насмешливая интонация, громкий и злой смех), выступая провокаторами грубого высказывания («бестолковая гусыня»), не только обозначают ситуацию как конфликтную, но и служат дополнительной характеристикой действующих лиц. Важно отметить, что фактором, усугубившим конфликт, явился смех одного из персонажей. В подавляющем большинстве случаев выражение спокойствия и радости собеседников играет положительную роль в коммуникации – настраивает на мирный лад, открытость, успешное общение. Однако есть и другого рода примеры, когда положительно, казалось бы, ориентированный паралингвистический знак вызывает отрицательные эмоции и ведет к конфликту, т.е. является *конфликтотеном* – предметом, идеей, взглядом, элементом поведения, выявляющим разность оценок конфликтующих субъектов [1]. Термин принадлежит, по-видимому, А. П. Егидесу, который, определив конфликтотены как «слова, действия (или бездействие), порождающие или способные привести к конфликту» [6, с. 69], предложил выделить следующие типы конфликтотенов: стремление к превосходству; проявления агрессивности; проявления эгоизма; нарушение правил; неблагоприятное стечение обстоятельств. Одновременно с понятием «конфликтотен» А. П. Егидес определил и антонимичное ему понятие – «синтон» как «слова, действия и детали общения и взаимоотношений, которые способствуют успеху коммуникации» [Там же, с. 70]. Синонимами понятия «синтонность» «Большая энциклопедия по психиатрии» называет «отзывчивость, откликаемость, созвучность» [7]. Нет необходимости доказывать то, что вербальный синтон, будучи дополненным паралингвистическим знаком, становится особенно убедительным и успешным, как в следующем примере: *Il s''était tu brusquement. Elle posa sa main sur la sienne. – Ne t'en veuillez pas, Simon, je suis un peu pressé* [19, p. 67] / *Внезапно он замолчал. Она положила ладонь ему на руку. – Не сердитесь на меня, Симон, я действительно спешу.*

Можно говорить о двух типах конфликтогенности: универсальной и ситуативной. Универсальные, абсолютивные конфликтогены – это те речевые или паралингвистические действия, которые практически всегда провоцируют конфликт – в любой ситуации, по отношению к любому человеку; обычно это грубые нарушения речевого и невербального этикетов – оскорбления, резкость, дерзость, выражение презрения, оскорбительные жесты: *Шариков сам пригласил свою смерть. Он поднял левую руку и показал Филиппу Филипповичу обкусанный, с нестерпимым кошачьим запахом шиш. А затем правой рукой по адресу опасного Борменталя из кармана вынул револьвер* [3, с. 133].

Шиш, показанный профессору Преображенскому, равно как и револьвер, несомненно, представляют собой абсолютные конфликтогены; неслучайно они стали причиной более чем серьезного (для Шарикова) конфликта.

Мы говорим о конфликтогенности, а не о конфликтности, подчеркивая поверхностность либо глубинность указанного процесса, его либо явную, либо скрытую формы существования, а также учитывая специфику личности и поведения коммуникантов. Конфликт – это состоявшееся противостояние, а конфликтоген – лишь его потенциал; он может привести к конфликту, а может и не привести, как в следующем примере: *Лида приоткрыла дверь в комнату мужа, залитую голубоватым светом. Вадим лежал на диване в ботинках. – Могу я, наконец, поужинать? – спросил он. – Заглянула дочь: – Мы уходим. – У дочери было хмурое лицо, на котором застыла гримаса вечного единоборства. – Возвращайся поскорее... – Могу я, наконец, чаю выпить? – повторил Вадим. – Я, между прочим, тоже работаю, – ответила Лида. И потом, не давая разрастаться ссоре, доброжелательно: – Как ты думаешь, Меркин – интересный человек* [5, с. 285]?

В приведенном примере нескольким конфликтогенам (лежание на кровати в ботинках, хмурое лицо дочери, её гримаса вечного единоборства, явно провоцирующие вопросы мужа) героиня противопоставила синтон – доброжелательным тоном заданный вопрос на отвлеченную тему, тем самым демонстрируя нежелание скатываться в ссору.

Невербальные средства, выступая аналогами высказывания и зачастую превосходя последние в экспрессивности, не только обозначают ситуацию как конфликтную, но и служат дополнительной, яркой характеристикой персонажей, например: *Il ne se leva pas, ne les salua pas, ne les regarda pas. Il présentait un magnifique échantillon de la goujaterie naturelle au militaire victorieux* [18, р. 153]. – Он не встал, не поздоровался, даже не взглянул на них. Он являл собой великодушный образчик хамства, свойственного победителю.

Описание кинестетики персонажа приведенного текстового фрагмента служит имплицитной авторской характеристикой, является кодировкой интенций создателя произведения. По отношению к абсолютным конфликтогенам возможно утверждать, что при их наличии в процессе речевой коммуникации возникает либо внешнее проявление конфликта – ссора, ответные речевые действия, либо, в силу ряда причин (социальной или возрастной иерархии, стилистики ситуации общения, трусости), конфликт не «озвучивается», не становится открытым; при этом напряженность, обида, возмущение возникают лишь в сознании адресата и внешне не манифестируются. Обратимся к анализу примера: *Julia... willing with all her might the American manager to offer a part that Michael would refuse... But when she saw Michael coming towards her half an hour later, his eyes bright and his step swinging, she knew he had climbed. For a moment she thought she was going to be sick, and when she forced on her face an eager, happy smile, she felt that her muscles were stiff and hard* [17, р. 46] / Джулия... всем сердцем желала, чтобы антрепренер предложил Майклу такую роль, которую он отвергнет... Но когда полчаса спустя Майкл спустился в холл, Джулия поняла по его сияющим глазам и легкой походке, что контракт заключен. На какой-то миг Джулии показалось, будто ей сейчас станет дурно, и, пытаясь выдавить на губах счастливую улыбку, она почувствовала, что мышцы не повинуются ей.

Как ни парадоксально, конфликтогеном становится то, что Майкл не видит конфликта – он получил хорошую роль, едет на гастроли в Америку. Для Джулии же конфликт заключается в том, что она не хочет разлучаться с Майклом, боится, что в разлуке он забудет о ней, встретит другую женщину. Джулия стремится не допустить открытого конфликта, прячет свои страдания, боясь огорчить Майкла, но тем самым усугубляет внутренний конфликт, тратит душевные силы на то, что по-французски называется *faire bonne mine à mauvais jeu*. Судя по описанию этой предконфликтной ситуации, у Джулии низкая конфликтоустойчивость, она «...не обладает достаточной психологической устойчивостью к отрицательному воздействию на психику стрессовых факторов социального взаимодействия» [4, с. 143].

В художественных текстах можно встретить примеры ситуативной конфликтогенности – это ситуации, когда положительно или нейтрально ориентированное вербальное или невербальное коммуникативное поведение (или и то, и другое) служат причиной неудовольствия, раздражения лишь в конкретной ситуации, по отношению к конкретным субъектам, что способно породить конфликт именно между конкретными коммуникантами. Проанализируем пример: *Иленька, который, к удивлению моему, не только холодно, но даже презрительно мне поклонился, как будто желая напомнить о том, что здесь мы все равны, сидел передо мной, и, поставив особенно развязно свои худые ноги на лавку (как мне казалось, на мой счет), разговаривал с другим студентом и изредка взглядывал на меня* [11, с. 289].

В приведенном примере имеют место как абсолютная конфликтогенность (холодный, даже презрительный поклон), так и ситуативная, потенциальная (поставленные на лавку ноги), что в иной ситуации и иному, менее мнительному человеку провокацией, возможно, не показалось бы. Ещё пример: *He was perfectly cool, and his eyes kept that mocking smile which made all I said seem foolish* [16, р. 63] / Он был совершенно спокоен, и в глазах его по-прежнему мелькала насмешливая улыбка, от которой все мои речи становились дурацкими.

Как явствует из текста, отсутствие реакции на поведение собеседника (истинное или симулированное), своеобразная *кинетическая лакуна*, состояние покоя способны обезоружить, обезкуражить собеседника, вызвать его замешательство, сбить с толку, заставить замолчать. Параязыковые элементы и жесты, как и кинетическая лакуна, способны не только вытеснить словесные реплики, разрушить или отменить речевую коммуникацию, но и радикально изменить её.

Необходимость введения в ткань литературных произведений паралингвистических коммуникационных средств продиктована, прежде всего, невозможностью искусственной изоляции невербальных средств передачи информации от речи без лишения ее экспрессивности и образности, утраты значительной доли ее информативности. По мнению Ролана Барта, которое мы разделяем, целью текстового анализа является не описание структуры произведения, а скорее осуществление подвижной структуры текста (поскольку эта структура меняется от читателя к читателю на протяжении истории), проникновение в содержательный объем произведения, *процесс формирования смысла*. Текстовый анализ имеет в виду не выявление того, чем определяется текст в плане причинно-следственных отношений, но обнаружение того, как он раскрывается и проникает в наше сознание в процессе восприятия. В силу того, что *все* значения текста обнаружить невозможно, поскольку «никакой читатель, никакая тема, никакая наука не могут остановить его смыслового раскрытия в нашем восприятии, ...мы пытаемся лишь выявить формы и коды, сигнализирующие некоторые смыслы, и интуитивно распределить эти смыслы по категориям. Мы стараемся обнаружить пути формирования смысла и не ставим перед собой задачу найти единственный смысл, ни даже один из возможных смыслов текста. Именно поэтому одно лишь понимание содержания текста отнюдь не свидетельствует о его адекватной интерпретации, идентичной авторской. Наша цель – осознать, представить себе, почувствовать смысловую множественность текста, открытый характер процесса формирования смысла» [2, с. 308]. Художественный текст – это знак языка и речи, т.е. объект, рассчитанный не только на понимание, но и на истолкование. На наш взгляд, одной из своеобразных особенностей показа конфликтов с помощью паралингвистических знаков можно считать вовлечение читателя в сотворчество с автором: такой конфликт нуждается в осмыслении, постижении глубины характеров, применении собственных знаний читателя о жизни, об отношениях между людьми, позволяет приходиться к множественности интерпретаций произведения художественной литературы.

Список литературы

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. СПб.: Питер, 2009. 528 с.
2. Барт Р. Семиотика, Поэтика (избранные работы) / пер. с фр. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
3. Булгаков М. А. Собачье сердце // Булгаков М. Собрание сочинений в 10-ти томах. М.: ГОЛОС, 1995. Т. 3. С. 46-138.
4. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Деловая риторика. М.: КноРус, 2012. 416 с.
5. Довлатов С. Компромисс // Довлатов С. Собрание сочинений. СПб.: АЗБУКА, 2000. Т. 1. С. 227-396.
6. Егидес А. П. Психология конфликта. М.: МФПА; Маркет, 2011. 314 с.
7. Жмуров В. А. Большая энциклопедия по психиатрии [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/978/word/sintonost>.
8. Колшанский Г. В. Паралингвистика. М.: ЛКИ, 2008. 96 с.
9. Светлов В. А., Семенов В. А. Конфликтология: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2011. 352 с.
10. Сулягина Ю. О. Конфликты в сфере трудовой миграции: взаимодействие объективных и субъективных факторов // Конфликтология. М.: МГИМО, 2013. № 2. С. 118-131.
11. Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность // Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 12-ти томах. М.: Художественная литература, 1972. Т. 1. 352 с.
12. Цой Л. Н. Организационный конфликтменеджмент: 111 вопросов и 111 ответов. М.: Книжный мир, 2007. 327 с.
13. Шемякина Е. В. Жест как путь к исцелению слова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1. Ч. 2. С. 206-210.
14. Burton J. W. On the Need for Conflict Prevention. Occasional Paper / Institute for Conflict Analysis and Resolution. George Mason University, 1993. 346 p.
15. Kellermann B. Die Stadt Anatol. Berlin: Buchclub 65, 1972. 563 S.
16. Maugham W. S. The Moon and Sixpence. N. Y.: Dover Publications, Inc. 2006. 293 p.
17. Maugham W. S. Theatre. M.: Manager, 1997. 304 p.
18. Maupassant G de. Boule de Suif // Maupassant G de. Les Soirées du Médan. Paris: Albin Michel, 1956. P. 127-211.
19. Sagan F. Aimez-vous Brahms? M.: TSITADEL, 2000. 112 p.
20. Zweig St. Brief einer Unbekannten // Zweig St. Brief einer Unbekannten und andere Meistererzählungen. München: Verlag C. J. Bucher, 1991. S. 96-148.

PARALINGUISTIC MARK AS CONFLICTOGEN (BY THE MATERIALS OF FICTION LITERATURE WORKS)

Boeva Elena Dmitrievna, Doctor in Philology
Kul'kina Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Sholokhov Moscow State for the Humanities (Branch) in Anapa
lingua_anapa@mail.ru

The authors of the article suggest a new approach to the study of theory and practice of conflict - from the perspective of paralinguistics. By the material of fragments of fiction literature works it's proved that paralinguistic mark can be both the provoker of conflict – conflictogen, and the means of its minimizing and termination - synthon.

Key words and phrases: paralinguistic mark; textual analysis; conflict; conflictogen; synthon.